

Танкер «Дербент»: Командиры - 3

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 23 января, 2025

Танкер "Дербент": Командиры -3 3.

В ту ночь, когда новый танкер «Дербент» впервые встал у причала в нефтегавани, а будущий капитан его, Евгений Степанович Кутасов, последний раз ночевал дома, в ту самую ночь на приморском бульваре бесцельно прошатался до рассвета вновь назначенный механик «Дербента» – Басов.

С виду был он как будто немного пьян и очень задумчив. То подходил к воде и зажигал папиросу, то садился на скамью и подолгу глядел на звезды сквозь ветви акаций.

Перед рассветом, когда погасли огни на рейде и месяц утонул в море, он облокотился о парапет набережной и сплюнул сквозь зубы в плеснувшую волну.

– Поломалась жизнь, – сказал он тихо, – неудачная жизнь... Неудачник.

И он копался в памяти, восстанавливая обрывки прошлого и стараясь найти причину своего несчастья. Он думал о людях, которые были ему близки и из которых у него теперь никого не осталось. И трудно ему освоиться с мыслью, что все они живут здесь, в этом городе, а все-таки ему некуда пойти и он вынужден коротать ночь на бульваре.

Вот инженер Яков Нейман. Как улыбался он в те дни, когда встретились они впервые в доках! Был тогда Нейман весел, краснощек и речист, голос его, как удары гонга, звонко гудел по причалам.

Сблизились они во время зимнего судоремонта. Зимой в доках становилось тревожно. Суда десятками вставали на ремонт и забивали причалы. Цехи работали в три смены, по площадкам и подъездным путям слонялись штурманы, капитаны, механики судов. Они угощали папиросами обалдевших от усталости инженеров, заговаривали на третьем слове о том, нельзя ли вне очереди

протолкнуть заказ.

Бригаду Басова бросили на ремонт двигателей большого танкера. После гудка бригада собралась на палубе. Поджидали запоздавшего инженера доков Неймана. Механик танкера ходил вдоль борта, поглядывая на причал. Басов видел, что механик сердится на Неймана за вынужденный простой и готов перенести свое раздражение на него – Басова.

Нейман явился на судно через два часа. Тяжело волоча ноги, взошел он по сходням и опустился на кнехт.

Басов нагнулся к нему и заглянул в лицо.

– Ты больной, не можешь работать, – сказал он озабоченно, – ишь, у тебя губы белые... А мои люди без дела сидят. Как же быть?

Он помолчал, слушая, как тяжело дышит Нейман. Басова томило желание взять на себя ответственность, только бы действовать немедленно.

– Я возьмусь сдать заказ, – сказал он быстро, – все будет в порядке. Горшки-то не боги обжигали.

Инженер с трудом расклеил воспаленные веки.

– Ой ли? Не напорешь, милый – Он смутно оглядел стоявшего перед ним Басова с сомнением и надеждой. – Ведь ты недавно работаешь. – Он помолчал, но, видимо, ничего не придумал. – Ну, берись... – сказал он и ушел.

Бригада спустилась в машинное отделение. Пока сборщики снимали дефектные части, Басов успел сбегать на буксир, поставленный в ремонт у соседнего причала. Там бригадир Бронников тоже ожидал инженера Неймана.

– Нейман заболел, – сказал Басов. – Дефектная ведомость у тебя? Тогда раздевай двигатель. Сами сдадим заказ.

Бронников всплеснул руками:

– Кажется, ты с ума сошел. Я буду подменять инженера? Как это, помилуй.

– Да ведь не стоять же ремонту, – сказал Басов нетерпеливо. – Эй, черт, думай скорее! Заячья у тебя душа, Броня.

Возвращаясь к себе на танкер, он видел, как бегают по причалу Бронников, собирая слесарей. Сам он уже не сомневался, что справится с заказом. Его беспокоило то, что у Бронникова мало

людей и он как будто боится чего-то и потому может напутать. Когда дефектные детали были сняты, Басов пошел в технический отдел. Но оказалось, что все конструкторы заняты и некому взяться за составление чертежей.

– Ну нет у меня людей, – говорил начотдела, разводя руками, – нету, и все. Разговор окончен. – Он пытался обойти Басова, загородившего ему дорогу.

Басов посмотрел на его раздраженное лицо и пожал плечами.

– Дайте мне бумаги, я сам составлю эскизы, – сказал он твердо, – не стоять же ремонту.

На танкер он вернулся со свертком бумаги и расположился в свободной каюте. Прибежал с буксира Бронников. Он находился в злобном состоянии, в каком бывает человек неуверенный, но поддавшийся на уговоры.

– Что мне делать с этой кучей деталей? – накинулся он на Басова. – Техотдел не хочет составлять чертежей.

– Мы сами составим, – сказал Басов, кнопками прикалывая лист бумаги к доске.

Он незаметно наблюдал Бронникова, стараясь казаться равнодушным. В действительности он сам волновался.

– Ты рехнулся, – злобно сказал Бронников, – с тобой влезешь в историю, ей-богу.

– Ты будешь проставлять размеры, – спокойно ответил ему Басов. Они работали до глубокой ночи. Бронников притих, ходил снимать размеры деталей, бегал в магазин за съестным.

Когда они кончили и вышли из каюты, было темно и на черном небе горели яркие зимние звезды. Из освещенных окон корпусов, где помещались мастерские доков, струился густой дрожащий гул. На высоких и темных палубах судов то здесь, то там вспыхивали зеленые искры сварки.

– Не надо сдавать без Неймана, – сказал умоляюще Бронников и схватил Басова за руку, – беды наделаем. Брось, Саша.

Он уже не злился и не досадовал на себя, но весь был полон ожидания возможной неприятности. Басов обнял его за талию.

– Ты забыл наши учебные проекты, – сказал он насмешливо, – мы сдавали их храбро, потому что они не шли в дело. Но неужели мы ничему не научились?

Они сдали чертежи в цех и расстались у ворот завода.

Нейман явился на завод в тот день, когда цех выдал бригадам готовые детали. Нейман был еще бледен и, зябко потирая руки, все подставлял лицо солнцу.

– Отвалялся я, – весело сказал он Басову. – Как дела на танкере?

– Технический отдел был загружен, – ответил Басов, – мы сами провели заказ.

– Молодцы! Ну, посмотрим их скорее и сдадим.

– Я сдал их в тот же день. Сегодня выдадут детали.

Нейман сосредоточенно посвистал, искоса поглядел на Басова и чем-то неуловимо стал похож на Бронникова, когда тот взволновался.

– Часть деталей, вероятно, еще не успели расценить? – спросил Нейман тихо, и Басов понял, что скрывалось за этим осторожным вопросом: «Уверен ли ты в себе? Может быть, еще можно приостановить? Что, если ты ошибся?»

– Я же говорю, что сегодня будут готовы, – сказал Басов, – цех обещал выдать к двум часам.

«Не вмешивайся, – отвечал он Нейману, – все знаю и хочу рискнуть».

Нейман понял. Он хлопнул Басова по плечу, и лицо его прояснилось.

– У меня куча дел накопилась в управлении, – сказал он весело, – ты один проведешь сборку. Хорошо?

К обеду цех выдал детали, и бригады приступили к сборке. Басов наблюдал за работой. Ему показалось, что можно по-новому расставить людей. В бригаде у Бронникова был невыход на работу, – Басов направил ему часть своих сборщиков. В машинном отделении стало свободно.

Подняли первый поршень, он повис на цепях – шестерни заели. Басов распорядился опустить поршень на решетку, полез на балки и заставил промыть шестерни керосином. Он лично осматривал каждую деталь, вымазался в машинном масле и вспотел. Но казалось, что он вовсе не торопится, – так спокойно делал он все.

Сборщики хмурились, но повиновались молча. Когда потащили

первый поршень, Басов посмотрел на часы. На кране работали трое и как будто мешали друг другу. На двигателе, наоборот, люди суетились – их было мало.

Поршень опустили и завинтили крышку. Басов позвал одного из работавших на кране и послал его вниз помогать укреплять шатун. Сборщики посмеивались: хронометраж, а не сборка.

Подняли второй поршень. Каретка крана быстро катилась по балкам. Сборщики торопились. Их раздражали остановки, и они боялись, что заработают мало. Басов проследил всю операцию крепления шатуна. Она заняла десять минут.

С третьим цилиндром покончили в восемь минут. Сборщики работали молча, с какой-то небывалой сосредоточенностью.

В машинное отделение пришел Нейман. Он стоял, наблюдая за работой, и не окликал Басова.

Ставили распределительный вал и другие детали, требующие тщательной пригонки. Басов опять по-новому расставил людей. Теперь он сам почти не прикасался к работе, чтобы иметь возможность наблюдать и руководить. Потом он увидел Неймана, поднялся наверх и подошел к нему.

– Ты видел, как я расставил их? – спросил он, торжествуя.

Нейман посмотрел на него ласково и любовно.

– Я мог бы не приходить совсем, – сказал он. – Орджоникидзе говорит, что лучшая организация там, где не существует незаменимых людей. Это верно.

Басова тронула похвала, но он понял, что Нейман не заметил главного: сборку провели быстрее обычного.

Ему хотелось рассказать Нейману о своем опыте. Но Нейман торопился.

– Тебе следует сходить на буксир к Бронникову, – сказал он озабоченно, – там задержались.

В техникуме преподаватель физики говорил Басову:

– У вас светлая голова, но вы слишком практичны.

Басов не возражал. Он сам чувствовал, что в нем не хватает чего-то, может быть – терпения... Когда читались лекции на отвлеченные темы, ему становилось не по себе, словно всем существом ощущал он без пользы уходящие минуты. Зато на лекциях по теплотехнике или по деталям машин он ловил каждое

слово. Это было как раз то, чего не доставало ему до техникума, когда он плавал на судах мотористом. Двигатель терял свою пугающую непостижимость, становился прост и понятен.

В доках его внимание привлекали процессы труда. Его интересовала последовательность операций при производстве деталей, и он иногда подолгу задерживался в цехах.

Точатся на станке поршневые кольца – а Басову кажется, что можно сделать быстрее и сэкономить материал, если поставить на станок два резца.

Заливают монтеры кабельную муфту – и опять ему кажется, что можно придумать, как заливать скорее и проще.

Однако порой то, что на первый взгляд выглядело простым и случайным, оказывалось продуманным до мелочей. Приемы создавались годами, и всякая попытка изменить их наталкивалась на затруднения. Он задавал мастерам вопросы, и они перемигивались за его спиной: «молодо-зелено», «скороспел виноград». На время он сдавался, чтоб наново пересмотреть, – и снова пытался перестроить так, чтобы сберечь время.

Басов часто думал о том, что улучшить работу может легче всего рабочий, который стоит у станка, но рабочие не знают теории резания, не знают, зачем нужны те детали, которые они делают на станке. На заводе многие рабочие любят подержать в руках книгу и листают ее с бессильной завистью бедняка у витрины дорогого магазина. Некоторые начинают учиться, бросают производство и больше на завод не возвращаются. Завод теряет лучших людей, а на смену им выдвигаются новые из чернорабочих. И Басов думал, что лучше всего было бы учить людей на заводе.

Однажды он зашел в кабинет Неймана. Инженер был как-то особенно оживлен. Он отложил чертежи, усадил Басова на стул. – Я только что с пленума райкома, – сообщил он, – постановили охватить учебой все цехи завода. Нам предстоит большая работа. Он ходил по комнате, и от его полнокровного голоса гулко звенел потолок.

– Я им сказал: что же получается, товарищи? Комсомольцы из цеха лезут в обеденный перерыв на суда, чтобы посмотреть, куда идут детали, а механики гоняют комсомольцев потому, что им не до объяснений. Технический отдел наврет в чертежах, а цех

выполняет под копирку какую угодно галиматью. А потом сборщики проклинают и конструктора и цехи, да перед самой сборкой немилосердно калечат деталь – «нехай, как-нибудь влезет». Тут, говорю, дисциплинарные взыскания не помогут. Не выговоры нужны, а техническая культура. Учить надо...

Он передохнул и закончил торжествующе:

– Одним словом, учить будем.

Басов хотел сказать, что он уже думал об этом, но промолчал. Его интересовало, как удастся организовать техучебу на заводе. Среди рабочих были способные и тупые, культурные и малограмотные. Учить их скопом казалось невыполнимым. Через несколько дней ему предложили организовать учебу сборщиков, он согласился: если райком считает учебу возможной, почему не взяться за это ему – Басову?

По вечерам на клубной сцене за красным столом заседала комиссия. Яков Нейман в папахе и козловых сапогах, похожий на опереточного разбойника, вызывал поодиночке сборщиков. Они выходили из глубины зала, останавливались у стола, и на лицах их пятнами горел румянец. Неудачный ответ вызывал гул в зале, из передних рядов доносился шепот подсказки, и Нейман позвякивал пробкой о край графина.

Здесь происходила сдача техминимума – удивительная кампания, надолго зарядившая Басова бодростью и счастливой, уверенностью. Он сидел рядом с Нейманом, напряженно вглядываясь в лицо каждого отвечающего, всей душой боясь, что тот оробеет или потеряет нить мысли. Но сборщики отвечали бойко и, словно ожидая еще вопросов, не торопились садиться на место. Басов просидел за красным столом много вечеров и не уставал наблюдать знакомые, но по-новому возбужденные, словно изнутри освещенные, лица рабочих.

Скоро на заводе заговорили о предложении токаря Закирия Эйбата. Басов уже знал его.

Маленький азербайджанец, почти мальчик. Он приходил на занятия сборщиков – худенький черный человечек с курчавой шапкой волос на голове, задавал Басову вопросы, иногда спорил. Один из первых сдал он экзамен на «отлично». После экзаменов пришел на

теплоход, где работал Басов.

– Дело есть, – сказал он таинственно, – такое дело...

Он волновался, глаза его блестели. Басов взял его под руку.

– Ну пойдём погуляем, – сказал он дружески. – В чем дело, Закирия?

– Знаешь, я вчера удвоил скорость обработки на станке, – сказал Закирия взволнованно. – Взял более толстую стружку. И прекрасно вышло. А мастер увидел и раскричался: «За длинным рублем гонишься, станок мне угробишь!»

– Спокойней, Закирия, – сказал Басов. – Мы это уладим...

– А еще я придумал, как обрабатывать поршни. Мы ведь поршень зажимаем в кулачки, головку его подпираем центром задней бабки. Вот и выходит, что донышко неудобно обрабатывать по шаблону, когда центр уже закреплен. Я освободил головку от зажима. Рассчитал все, зажал сильнее поршень. Замечательно хорошо получилось. Теперь мне не трудно выбрать донышко по шаблону, понятно? Раньше я за шесть часов один поршень обрабатывал, а теперь я два с половиной делаю.

Это пока не заметили, и ты молчи смотри.

– Почему молчать?

– Ах, ты не знаешь нашего цеха. Опять скажут: угроблю станок, и выйдет скандал.

Басов потемнел и швырнул папироску за борт.

– Ты говоришь так, словно обокрал кого-то, – сказал он возмущенно. – Сволочь ваш мастер. погоди, я поговорю с Нейманом.

К Нейману Басов пошел в конце дня, когда в кабинете были люди. Бронников рассказывал что-то, заливаясь мелким, шуршащим смешком, и Нейман вторил ему раскатистым хохотом.

Басов сел на стул.

– Безобразия творятся в механическом цехе, – сказал он раздраженно, – мастер Лухнов устраивает истерики рабочим за то, что они повышают производительность труда. Ты послушай-ка. Припоминая все подробности разговора с Эйбатов, он рассказывал медленно. Нейман еще улыбался благодушно, но в комнате водворилась тишина, и люди слушали как-то настороженно.

– Ведь правильно парень рассчитал, – говорил Басов. –

Освободить головку от зажима, и выбирай по шаблону. Это обязательно надо внедрить. А мастеру накрутить хвост, чтобы не гадил.

– Пстой, пстой, – перебил Нейман; он перестал улыбаться, и лицо его приняло то сухое, настороженное выражение, какое у него бывало, когда он выслушивал претензии заказчиков, – я уже слышал об этом. К твоему сведению, – он строго посмотрел на Басова, – мастер Лухнов не гадит, а учит людей дисциплине. Твой изобретатель мог погубить станок. Прикажешь мастеру идти к нему на выучку, что ли? Вот, не угодно ли, – обратился он к Бронникову, – кажется, с техучебой попали в другую крайность. Они теперь нам на шею сядут в погоне за рублем. И у них есть защитники! – он кивнул головой в сторону Басова.

– Черт знает, что ты говоришь! – сказал Басов, раздувая ноздри. – Администрация в панике оттого, что рабочие начали шевелить мозгами. Ты прости, но это какое-то мракобесие, трусость...

Он оглянулся кругом, ища сочувствия. Но лица присутствующих не только были безучастны, на многих выразалось даже какое-то брезгливое недоумение, точно Басов сделал неловкость.

– От этих рационализаторов одно беспокойство, – заговорил Бронников мягко, – порох хотят изобрести. Насчет обработки поршней есть указания в литературе. Почитай-ка, – обратился он к Басову. – И мы ведь тоже не первый год работаем. Освободить головку! Да кто же так делает?

Нейман смотрел в окно и барабанил по столу. Вдруг он обернулся и побагровел.

– Обвинять меня в трусости ты не имеешь права! – загремел он запальчиво. – Сначала поработай с мое...

– Да я тебя и не обвиняю, – с тоской сказал Басов. – Только мне дико как-то все, что вы говорите...

Он поднялся и побрел к двери. Он не понимал, почему так враждебно молчали за его спиной, и испытывал такое чувство, точно с разбега налетел на стену. Powestler